

Из книги: Голованов Я. Этюды об ученых

Жан Фурье: «МОИ СЛОВА ВЕРНЫ МАТЕМАТИЧЕСКИ»

21 марта 1768 года в семье бедного оксера портного родился мальчик, ставший выдающимся математиком, без имени которого и сегодня немыслим ни один университетский курс, – Жан Батист Жозеф Фурье. Он прожил 62 года, и едва ли найдётся среди них хотя бы один спокойный и тихий, и мирный, и несуетливый, кабинетно-пыльный, академически размеренный, любезный бесстрастным и холодным музам математики. Он переболел всеми болезнями века, неразделимо сплавленный с судьбой своей родины, судьбой в те годы прекрасной и страшной, великой и преступной.

В 8 лет – круглый сирота. Покровительство знатной дамы, два слова и одна улыбка оксескому епископу – и маленький Жан уже в военной школе. Школой управляли бенедиктинцы, умные и хитрые как лисы. Способный паренёк не остался незамеченным, был обласкан, его прилежание поощряется. Естественно, он не знал тогда, что проповеди, им написанные, читают в Париже, выдавая за собственные откровения, высокие сановники церкви. Впрочем, он уже позабыл про эти проповеди. Он проказил и шалил не менее других своих сверстников, пока первые же уроки математики не пресекли бездумность детства. Жан страдал без математики и ночами втайне от всех забирался в камин, задвигался ширмами и в жёлтом свете свечи впивался в учебники.

Из школы шли две дороги: на одной его ждала шпага и мундир, на другой – крест и сутана. Он выбрал артиллерию – ближайший к математике род войск, но не был даже допущен к экзаменам. «Фурье, как неблагородный, не может быть принят в артиллерию, хотя бы он был второй Ньютона», – без улыбки сказал министр, не предполагая, что его откровенный цинизм в эти секунды резервирует ему место в истории науки. Так Фурье стал священником. Аббатство Сент-Бенуа рассчитывало на нового прелата, но пострижения не состоялись: ветры революции достигли маленького аббатства на Луаре, и молодой бенедиктинец отказался от духовного звания.

В 1789 году Фурье, которому шёл 22-й год, читает в Академии наук записку о решении числовых уравнений всех степеней. Он привёз в Париж открытие, а увёз споры, восторги, прекрасную и слепую веру в справедливость, гордую и наивную мечту о вселенском счастье – всю правду и ложь Великой французской буржуазной революции. В Оксере он член Народного собрания. Пламенная речь перед рекрутами Бургундии – и вот уже не нужно тянуть жребий: все руки рвутся к ружьям.

Ослеплённый восторгами толпы, оглушённый собственным красноречием, он уже не в состоянии заметить признаков вырождения революции, и только в тюрьме, куда упятали его подручные Сен-Жюста, наступает мучительное разочарование.

Потом Фурье преподаёт в Эколь Нормаль в Париже, затем во вновь организованной Политехнической школе. Он возглавил кафедру математического анализа и, по словам одного из его учёных коллег, «доказал, что преподавание математики не чуждо изящества». Начинается, и неплохо начинается, профессорская карьера. Казалось бы, о чём ещё мечтать сыну провинциального портного: слуга, квартира и бархат на окнах; но сквозь бархат всё громче звучат барабаны Бонапарта, их ритмы уже гонят прочь солидную рассудочность, и в канделябрах его дорогой квартиры уже вспыхивает пламя походных костров.

Ему было 30 лет, когда с армией Наполеона он вступает: на землю Египта. Он опять не видит обмана и верит в благородство «великой миссии», долженствующей восстановить древний блеск страны пирамид, усовершенствовать земледелие и «сообщить населению благодеяния европейской образованности». Он был слишком честным, чтобы подозревать обман, и слишком наивным, чтобы уяснить суть «великого похода». Он исполняет деликатные дипломатические поручения и ведёт тонкие военные переговоры. Это не мешает его работе; и, как ни странно, Египет словно подстёгивает его творчество, новые и новые записи появляются в «Декаде» и «Египетском вестнике»: неопределённый анализ, способ исключения неизвестных, доказательство новой алгебраической теоремы, а рядом – рассуждения о каирском водопроводе и описание машины для орошения полей.

Жан Фурье – глава Египетского института, в который входит сам Бонапарт, среди членов которого Сент-Илер, Монж, Бертолле. Он в чести, ему уже льстят, говоря об афинской грации и египетской мудрости его работ, он уже человек государственный, принадлежащий к кругу непогрешимых.

Возвратившись в Европу, Фурье становится префектом департамента Изер. Он полон решительности и административного рвения, строит горные дороги и осушает болота, ублажает настоятелей монастырей и успокаивает политических драчунов. Здесь же, в Гренобле, он пишет «Аналитическую теорию тепла» – оригинальнейшую работу, где впервые были выведены дифференциальные уравнения теплопроводности, ставшие отправным пунктом целого раздела математической физики. Здесь же он анализирует внутреннее тело Земли. И уже кажется: политические вихри не тронут его рукописей, но опять врывается в его судьбу поверженный Наполеон.

«Сто дней» Бонапарта. Наивно организовывать оборону, когда целые полки меняют белые знамёна на императорского орла. Фурье уезжает из Гренобля, и Наполеон, постучавшись в городские ворота табакеркой, въезжает в город без единого выстрела. Граф Дартуа обвиняет Фурье в трусости и требует возвращения в Гренобль. Наполеон упрекает его в неблагодарности.

– Ну что же, господин префект, и вы объявили мне войну? – спрашивает Бонапарт.
– Я исполнял долг присяги, государь, – отвечал Фурье.
– Долг? – Наполеон поднял бровь. – Не думайте, однако, что план вашей кампании страшен для меня. Мне только больно, что против меня встал один из «египтян», евший мой бивачный хлеб, один из старых друзей... – И добавил жёстко: – Разве вы, господин Фурье, забыли, что я определил вас префектом?

Фурье смолчал тогда. Но когда уже состоялось его новое назначение префектом Роны и Наполеон спросил: «Что вы думаете о моём предприятии?» – Фурье ответил, глядя прямо в глаза Бонапарта:

– Государь, я думаю, что вы потерпите неудачу.

Из Лиона Фурье приехал в Париж. Падение императора лишает его всех чинов. Он почти нищий и зарабатывает на хлеб уроками. Опала длится, впрочем, недолго: в 1817 году Фурье избирается членом Французской академии. Он относится к этому спокойно, понимая относительность человеческого благополучия. Он живёт уединённо и, по словам современников, любит беседы, но не любит споры. Он рано постарел, маниакально боится простуд и невесело шутит над своей привычкой кутаться: «Меня считают толстяком, но если попробуют раздеть, как снимают покровы с египетской мумии, то найдут один скелет...» Он болеет, но не слушает врачей: «Главное – терпение и тепло...» Жан Фурье умер 16 мая 1830 года от аневризмы сердца.